

АЛЕКСЕЙ ЦТЕЙН

ЕЩЕ ОДИН ЧЕЛОВЕК

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш88

Художник
С. Дудин

Штейн А.

Ш88 Еще один человек: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 445 с.: ил. — (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1251-8

Сможешь ли ты выжить в катастрофе, опрокинувшей весь мир? Противостоять смертельному вирусу, обращающему людей в опасных и почти неуязвимых зомби? Даже если ты, по сути, самый обычный человек и не из лучших? Не герой, не спецназовец, не спортсмен?

...Не переживай, выжить ты, пожалуй, сможешь. Для начала — немного везения (ну как без этого?). Дальше... чуть-чуть все же напряги то, что еще осталось в голове, вспомни, что ты знаешь, что умеешь, что видел и слышал когда-то, чему тебя когда-то учили. Ведь учили же, правда? Учили, даже если ты и не учился. А потом — работать, работать и работать. Даже если раньше никогда не приходилось этого делать. Ничего, жить захочешь — справишься. Возможно, ты и впрямь выживешь. А вот как ты будешь жить дальше — твои проблемы. Для начала все же постарайся просто выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1251-8

© Алексей Штейн, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Часть первая

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

...Водка была — редкостное дерьмо.

Нормальную водку — ее надо пить даже не холодной, а охлажденной.

А ежели тебе ее приходится жабать леденелой, с морозиловки — чтобы оттого, как холод твой хавкопровод обжигает, ее поганый сивушный привкус перебило... дерьмо и есть.

Башка болит, и блевать охота. Нормально день начался, да?

Пиво, пиво — единственное спасение. Главное, не перебрать. Чисто для лечения, на свежем-то воздухе...

Ой, кто это нам навстречу... Ох ты блин ка-а-акая! Как тебя такую мама с папой пустили из дома в школу-то? Ну иди, вот бы... Все, не хрен, на работу надо.

Долбаный жигуль не пожелал завестись.

Ну, мля, нет у меня денег на ремонт. А сам я электрики не понимаю. Я вообще в машине не то чтобы не понимаю ни фига. Батя че-то рассказывал-показывал... Ну и че — лезть под капот? Ага, прям так с утра. Ясно же — нормальный пацан все равно на жиге ездить не станет. А нормальные машины не ломаются. А если нормальные машины ломаются — чОткий пацан едет на сервис, где автонегры все быстренько исправят.

А я, мля, реальный парень, не фиг ли что.

Тока бабла пока нет — ну это временно. Я вот приподнимусь немного, и все будет у меня как у людей. Вот работаю пока в мебельном, менеджер-продавец, — и че? Нормально так, свое бабло, скоро, может, еще поднимут оклад... И выпивки купить могу скока хочу, и с девкой все нормуль, живем нормально...

Ладно... сидеть в жиге и фтыкать с похмелюги, прислоняясь жбаном к стойке, хорошо. Но надо на работу — и так опоздал. Пешкарусом. Благо до «Озерков» минут десять — просто без понту ходить. И влом. Если машина есть. Сцуко.

Двинул дворами, содрогаясь от холода и похмелья. Ох, не сплевать бы... Так, отдохнем. Че я, тороплюсь? Ну опять поворчат и успокоятся, ниче, начальство только к полдню приезжает, по фигу. Ага, легче... аж потом прошибло. Так, пошли, в арку и...

Опа... Так, иду себе нормально — в конце концов, че я — ну бухой, но не кривой же как саксофон? Вчера... ну сегодня, до трех утра. Нормально...

Э-э-э, да тут не до меня. Что за шабаш тут у них? Две «скорые», мусоршмита два. Блин, лежит кто-то... Так, на хрен, на хрен отседа, а то еще в понятия-шмонятые... Все знают — от милиции ничего хорошего не бывает. Приплетут — и будешь потом маяться. Дармоеды они. В менты идут те, кто ничего делать не умеет и бабло рубить неспособен. Лохи, в общем. Это все знают. И они знают. Оттого злые и деньги страсти так и норовят — потому что им завидно. Вообще таким нормальным пацанам, как я, много кто завидует. Потому что я живу по-человечески. И, блин, не было какое, а личность.

Так, проскочили. Вот и метро. Толкотня, как всегда. Блин, ненавижу. Кругом одни уроды. Дедки смотрят, как будто им все должны, а они самые умные. Телки все такие из себя. Бабы — это ваще, типа самые, и все им обязаны. Какие-то мутные парни, лузеры-студенты, курсанты... Эти ваще дебилы. Хуже ментов.

Это ж надо самому сунуться в петлю. Нормальный чел от армии косит со страшной силой — ну на фигу ему год терять? Че там делать-то?

А эти курсанты... сами лезут. И есть еще кто по контракту идут. Говорят, даже срочниками уходят некоторые сами. Эт вообще пипец. Коллапс мозга.

Вот и Пионерка. На выход.

Так, че за фигня? Дедуля какой мотрочиком стуканул? А, не, смотри — здоровый мужик... чет лежит как-то... блин, помер, что ль? Из-за толпы не видать. Хрен с ним. Говорят, покойника встретить — к деньгам. Посмотрим.

Ну вот и добрался. Привет, привет. Че надо, то и опоздал. Отвали. Чем пахнет? Да, бухал, а что, нельзя? Все, отвали...

День начался лучше, чем закончилось утро. Покупателей не было, и я отменно подремал в глубоком мягком кресле. Наташка — страшненькая неглупая девчонка — позвала пить чай. Если кто придет — из подсобки слышно колокольчик, а

переть у нас нечего. То есть не упрешь без грузчиков. А касса на замке.

Как всегда, дежурно отпускаю пару пошлостей по поводу Наташкиных сисек — они у нее неплохие, надо сказать. Дежурно получаю приглашение в пеший эротический поход по местам массового паломничества. Все обычно. Чай оживляет измученный сивухой организм.

— Че начальство?

— Звонила, они не приедут.

— Никто?

— Угу. Михаил заболел чем-то, Витя к нему поехал.

Заболел... чем этот бычара мог заболеть? Здоровый шифоньер, весь из себя спортсмен... А с Витей тоже ясно — они друзья большие.

— Что с ним?

— Утром с собакой гулял, со своей лупоглазиной. (Вот любят крепкие парни заводить себе собак размером с кошку и мельче. «Моя кошка съела вашу крысу! У меня нет крысы, у меня собака! Раз кошка съела, значит, крыса...») А во дворе на них собака какая-то бросилась, странная. Он свою собачонку на руки поднял, а та собака его прям за ногу, даже не лаяла... Он ее, говорит, из пистолета застрелил, еле-еле. (У Михаила всегда с собой был какой-то смешной двуствольный пистолетик, из этих, что резиной стреляют.) Но она его подрала сильно, хотя и совсем маленькая дворняга. Он домой пришел, а потом плохо стало. Врачей вызывал, ну и Витя решил подъехать — мало ли. Это мне его сынишка рассказал.

Сынишка Коля — забавный пацан лет двенадцати. Но толковый, и врать не станет. Да и чего ему врать? Бывает такое — в городе много бродячих собак, бывает, и агрессивные они.

— Бешенство, что ль?

— Не знаю, врачи приехали, чего-то вкололи. Наверное, долго не будет теперь его.

Ну и ладно. Он нормальный мужик, но начальство есть начальство — чем дальше, тем хоть совсем нету. А Витя, наверное, скоро приедет — замещать.

Попив чаю, иду в зал. Скука, дремлю, листаю газеты и журналы, что у нас валяются. Слушаем радио. Обычная пурга, муси-пуси, привет моему милому, ну и мужу тоже, всей нашей бригаде ассенизаторов поставьте песню Кати Лель... Поздравляю самую лучшую девушку Оксану из Колпина... Даже не пытаюсь вслушиваться — я все-таки не последний дебил, дерьма не слушаю. Я вообще в музыке не очень. А вот

новости. Тоже не особо слушаю — ведь всем здравомыслящим понятно: там все врут и хотят нас всех поймать. Это все манипуляция нами — власть всегда манипулирует гражданами. Сколько я пытался объяснять это на форумах всяких: власть всегда против нас... Ну и фиг с ними, придурками. Тем более что я с компьютером не особо — хорошо, девчонка моя, Дашка, научила немного.

Вдруг в потоке новостей выцепляю что-то интересное: «...Много случаев применения сотрудниками милиции табельного оружия. По всем фактам проводится проверка...» Ага, похоже, это те мусора во дворе кого-то вальнули. Суки, че творят. Совсем офигели вкрай ваше.

Так проходит еще часа два — обед. Наташка рвет в кафе, с девками из соседнего турбюро. Я есть не хочу, а вот еще чаю — это надо. Отрава почти выветрилась, и мозг пришел в норму. Можно начинать думать. Я вообще-то не дурак, и высшее образование все-таки получил. И вообще я разумный современный человек. Когда трезвый.

О, опять в новостях что-то интересное: «...За сегодняшнюю ночь зафиксировано несколько случаев нападения бродячих животных на людей, один из пострадавших, мужчина без определенного места жительства, скончался в больнице...» Да, надо осторожнее — весеннее обострение у собачек?

Дверь распахнулась, и под тилиблямканье колокольчиков влетела бледная Наташка:

— М-м-мне В-Витя з-звонил...

— Ну?

— Михаил умер.

— Ейокть...

— Врачи сказали — остановка сердца.

Опаньки... Лепилы чего напутали, не то вкололи? Похоже. С чего ему иначе помереть-то? Не от собачкиных же укусов! Что теперь? Не знаю... Наташка всхлипывает и говорит:

— Витя вообще сам в шоке, говорит, закрывайте магазин и идите по домам. Говорит, что перезвонит, врачи ему чего-то нарасказывали... типа эпидемия какая-то — как свиной грипп, помнишь? Вроде того — от него Михаил и умер...

— Ты ж сказала: остановка сердца?

— Да не знаю я! Он так сказал — сначала так, потом про грипп!

— Ну и?

— Говорит домой идти и завтра не приходите, если не позвонит.

- А зарплату вычтет?
- Не знаю, не спросила...
- Ладно, разберемся.

Наташка, хлюпая носом, пошла собираться, а я задумался. Эпидемия... эт хреново, господа. Если Витя отпускает с работы и говорит не приходите — это очень серьезно.

Он не сука, но копейки зря не упустит. А тут полдня в анус... да какие полдня — сегодня вообще в ноль, никто даже не заглянул. А уж он наверняка спросил Наташку... Да, что-то не то. Дай-ка я ему позвоню — Витя объяснит, да заодно про деньги узнаю: вообще-то принято у нас оплачивать такое, но уточнить надо.

Звонить пришлось долго. И безрезультатно. Не берет трубу. Наверное, выключил звук или оставил в куртке в прихожей и не слышит. Ладно, на городской.

Городской ответил презрением. Еще раз на тот и на другой. Что там, совсем никто не слышит? Черт, попробую Михаила набрать... хотя как-то... А, на фиг, в конце-то концов, он мне никто, и ничего такого. А про деньги надо узнать.

На удивление, мобильный Михаила ответил почти сразу... Ч-ч-черт, это ж Колька! Бли-и-ин, как нехорошо...

- Коля?..
- ДА! КТО?!

Черт, чего он так орет?.. Дурак, у тебя б на глазах отец помер — поди, тоже орал бы... Мля, как не в жилу все...

- Коленька, это Александр, с магазина...
- ДА! ДЯДЯ САША! ТУТ... ПАПА, ОН...

— Коленька, я знаю, я все понимаю... (Мля, какого хрена я позвонил?!) Мы все сочув...

— ОН, ОН... ОНИ... ОНИ УЖЕ... ДЯДЯ ВИТЯ С МАМОЙ И ВРАЧ... ОНИ, ОНИ... МЕНЯ...

Коля жалобно как-то вскрикнул и вроде выронил трубку, послышались характерные звуки... плачет пацан, навзрыд, аж слышно, как всхлипывает ритмично... слезы глотает... Блин, дурак, зачем звонил.

Нажал отбой и пошел одеваться. Ладно, Витя сам сказал, а деньги я потом отожду. Наташка уже была готова и, стоя у зеркала, наводила марафет. Смешно артикулируя намазываемыми помадой губами, сказала:

— А Юлька из турбюро сказала, что она утром в кассы ездила и видела, как менты кого-то застрелили. Прямо на улице. Он на людей кидался, псих какой-то. А они его прямо в голову из автомата.

— Звездит Юлька твоя. Менты, конечно, оборзели, но чтобы в голову из автомата среди бела дня, в Питере... У нас все-таки демократия, не тоталитарное какое общество. Даже если кто и нападает на людей, то он имеет такие же права, как и все, а уж стрелять в голову они вообще не имеют права. Тем более если псих — и подавно. Брехунья твоя Юлька.

— Сам ты брехун!

Наташка обиделась, как будто это я ее обвинял... Ну что поделывать, я все-таки представляю права и обязанности милиции — такое это вообще даже не кино.

— Она чем хочешь клялась, я тоже не верила, а она фотки на телефоне показала!

— Да ладно, ладно, чего завелась... Ну все, до завтра — я сейчас закрою и тоже пойду...

— Счастливо.

Чмокнул Наташку в щечку, как бы ненарочно чуть приобняв... эх, надо бы ее развести, все-таки хоть и некрасивая, но грудь — мое почтение... Ладно. Остался один, проверил все, закрыл, сдал ключи охране, чем-то явно озабоченной — даже не глядя записали и машинально сунули в шкаф ключ, — и, выйдя в холл торгового комплекса, остановился и задумался. Что-то щелкнуло в мозгу... Наташка, Юлька... новости... менты утренние... что за хрень творится?

Стал думать дальше... Витя... эпидемия... Михаил... Что-то все как-то нехорошо. До того мозг был весьма затуманен алкоголем, а сейчас, похоже, включался в работу.

Не нравится мне все это. Не нравится. Чую. Спинным мозгом. Холод по спине продирает какой-то. Брр. Ладно, пора идти. В метро... В метро?

А вот фиг вам. Эпидемия. Не знаю, может, и фигня, но от чего-то вспомнились дурацкие книжки и видеоигры. Вирус в метро. Остановившийся поезд... Не-а, играйте без меня. Ексит гейм. Йес. А вот что я сделаю — не пожалею бабла и рвану домой на частнике. Да-да, именно так — я все-таки хорошо помню: при эпидемии общественный транспорт и вообще общественные места — самый рассадник заразы. Слава богу, к нам вообще никто не заглядывал. Все, решено. Не жмотиться и ехать домой. Отчего-то очень хочу побыстрее домой.

Приняв решение, я вышел из торгового комплекса и вскоре успешно тормознул невысоко пролетавшего мимо джигита.

Джигит прервал полет и радушно распахнул входной люк своего транспортного средства марки «Форд-Эскорт» дремучего года выпуска.

— Куда, уважаемый?

— На Озерки. Дорогу покажу. Уже едем. Сколько?

— Э, дарагой, я дарогу знаю — я сидмой год здэс живу! Мнэ папути, дамой — двести всего, мамай киянус — нэ до-рого, севодня все втрое бирут!

— Ага, конечно... С чего бы? (Двести отдал с радостью, но поторговаться с «урюком» милое дело — понаехали, понимаешь. Вообще все беды от них. Если бы не они, у нас бы все было хорошо.)

— Э-э-э-э, дарагой, спал ти, чтоле? Мэтро встало самсвем пачти, луди ехат хатят.

Оба-на. Ай да я. Пророк хренов.

— А ты чего тогда домой — работать же надо, пока прет!

— ...Устал я, заболэль, — неохотно говорит он, явно сожалея об упущенных деньгах. — Плохо чувствую себе...

...В бога мать, тока этого мне не хватало! Убежал от эпидемии! Открываю окно, типа душно, стараюсь дышать в сторону, приподнимаю край воротника... Черт, бесполезно все! Попа-а-а-ал... Остановить? Денег жалко... да и пешком нерально... Я уже заразился? А как передается? Он не чихал, не кашлял, я его руками не трогал... дверь трогал у машины... Деньги положил на торпеду... Как передается? Вот Михаил... нет, его собака покусала. Черт, Витя не ответил, а Кольку я не хочу еще раз беспокоить... а узнать бы надо. А этот-то как? Блин, что ж делать?

— А ты чем заболел-то? Не заразный? — решаю прояснить напрямую. — Грипп, что ли?

— Нэ-нэ-нэ, чито ты, дарагой. — Джигит замахал руками, отчего я чуть не заорал: я вожу, честно говоря... ну да, плохо я вожу машину, вцепившись в руль двумя руками намертво, а такая манера управления транспортом меня вводит просто в ужас. Однако катастрофы не произошло. Блин, этот Джамшут водит лучше меня — современного русского парня. Несправедливо как-то. Они же «чурки», они вообще чуть лучше обезьян. Ну да, вот он как обезьяна и натренировался. И ничего обидного — зато он не личность и вообще почти не человек. Тупое быдло. Ага, вот так. А я как бы современный и продвинутый. Проще говоря — крутой перец. Не чета всяким. Потому — он меня везет, а я на нем еду. Я хозяин — он слуга. Вот так нормально. — У мэня нэ грипп, это нэ заразно, нэ чихаль я, — тараторит джигит, боясь потерять клиента, — это просто псих попался, на мэня кинулся в машинэ пряма — пъяний савсем бил, заснул, а патом ка-ак на мэ-

ня, — а глаза совсем страшный... Я тармазит, а он все ка мнэ, я от него и галавой ударился об стойка вот тут... патом вискачил, а он за мной лезит... Я его за шиварат и викинул из машины на дарогу пряма, и даже дэньги его вслед бросил... палавину... Он совсем напилса, совсем чокнутый стал — мнэ даже укусыл — вот!

Джигит показал запястье правой руки — там четко виден след укуса, даже с кровью.

— Что, болит, так что домой надо? Водить тяжело? — стараясь не выдать страха, спросил я: еще только не хватало, чтоб он не справился с управлением.

— Нэ, галавой ударылся, сатрясение — болит адын раз очень сильно. Кружится немного и жарко совсем... но ти, дарагой, не бойся, — заметив мой страх, торопится джигит, — давезу в целости, я все харашо магу!

Ага, как же, «харашо» — и вправду бледноват... хотя и ехать-то осталось... Ну слава богу — этот не заразный, тут совсем другое... Доедем.

Накаркал, блин: на Поклонной нехилый пробец на выезд. Че, все решили за город рвануть средь рабочего дня? Ага, реально ж дачники все — вон, почти все машины забиты всяким барахлом. Рановато что-то. Снег за городом, поди, еще лежит местами.

Продираемся, скоро угол Тореза, а там свободнее. Водитель совсем невесело выглядит, бормочет что-то по-своему, испарина на лбу. Как бы на горке не съехал кому задом, когда трогается, — я всегда нервничаю, когда так трогаюсь, и часто глохну. Вон кстати, стоят такие двое, перегородили ряд, отчего пробка еще крепче. О, народ внагляк едет по тротуару. Видать, гайцов совсем не бояться. Че так за город всех тянет?..

Охотники какие-то едут — на вездеходах, все в камуфляжах и всяких своих охотничьих примочках. Опа — этот даже прям с ружьем. Ковбои, блин. Вот попадутся ментам — отдадут денег. Хотя там небогатых немного, среди охотников: посмотрел я, сколько чего стоит, — да это ж тоже надо быть совсем долбанутым, чтобы за ружье отдать тысяч пятнадцать — двадцать. Или очень богатым. Я вот недавно себе смартфон купил за двадцать три тысячи — круто и чОтко. Красиво, и все завидуют. А не какая-то ненужная железяка.

Придурки, в общем, эти охотники.

Все, пролетели пробку — дальше вдоль по Энгельса, на Луначарку налево — и вот он дом. Во двор сам пройду, «Стой, мусульманин!».

Водила притерся у въезда во двор, заглушил.

— Спасибо, — вылезая уже из машины. Он даже не ответил: совсем плохо, видать. Кивает, судорожно сглатывая. Тошнит, наверное.

Иду к дому, оборачиваюсь — он даже прилег на баранку: видно, действительно сотрясение. Ниче, отлежится — уедет. Его проблемы.

Иду к дому, вхожу в арку, не спеша к парадному. У помойки застыл столбиком какой-то дедок. Что, старый, мозги клинит? Ага, батарейки сели... ну и стой себе, тебе двигаться уже отвыкать надо, отбродился уже, освобождай молодым место под солнцем... и жилплощадь, ага. Классно это я подколол.

Дедок как-то неловко оборачивается на звук моих шагов — и начинает двигаться навстречу. Походочка у него... А, дед, уже вмазал? Что, три рубля на хлебушек хочешь? Ага, чтоб булькал, хлебушек. Сердечник, поди, боярышником пробиваешься? Хрен те!

Дед тянет ко мне руки.

— Че, охренел, старый?! — Блин, чем от него шмонит? Одеколону или ацетона какого напился? Гнилью какой-то... в помойке рылся, что ли?

Брезгливо отскакиваю и быстро иду к парадному. Что у нас сегодня — день синяка? Вроде же не тяпница, до конца недели еще времени... А вы все повывезали, убогие.

О, тэ ж сусид мий... Вроде ж ты, Семеныч, язвенник? Или прикидывался, сволочь старая? О, как штормит-то тя...

Семеныч, как и дед у помойки (который, шаркая и как-то поскуливая, тащится следом, но далеко отстал), протягивает ко мне руки... Что, вам всем сегодня «добавить копеечку христаряди» надо? Заимали, козлы...

— Семеныч, отва...

МЛЯ-А-А-А!!! Ну и взгляд... точно — язвенник, и выпил, теперь с непривычки вхам вообще... или эта, белая горячка? И вообще — мордо какое-то обвислое... бледный, весь в грязи какой-то... валялся, что ли, где?

— Отвали, Семеныч, — стараюсь не глядеть на него, говорю я, пытаюсь проскользнуть мимо: не дам я вам ничего.

Что-то с ним не так, не могу понять. Воняет, как и от дедка, — вместе, что ли, пили? Что-то еще, глаз видит — а сообразить не могу...

Он хватает меня за рукав куртки, тянет не то чтобы сильно, но именно тянет, а не просто: «Э, друг, подожди секунду!» И как-то... скулит, что ли?

Вдруг становится жутко. Жар и холод одновременно волнами проходят по телу. В мгновение вспотев, рывком вырываю рукав, пинком отправляя Семеныча через невысокую оградку газона, где он благополучно приземляется и начинает ворочаться. Вижу деда, целенаправленно шкандыбающего ко мне. В три прыжка оказываюсь у двери, таблеткой открываю, наплевав на лифт, избегаю к себе на третий. Отчего-то всего колотит, ключи пляшут в руках. Кажется, сейчас неизвестно откуда взявшийся тут Семеныч вновь потянет за рукав. Что с ним было не так, что меня так испугало?

Наконец отпираю, влетаю в квартиру, захлопываю добротную железную дверь. Захлопнув и внутреннюю, прислоняюсь к ней... и вдруг обессиленно сползаю прямо на пол.

Я понял, что не так с Семенычем. Просто мозг не мог раньше сопоставить, подсознание само дало команду на «страх».

У него было порвано горло. И вся грудь в кровище.

...Пришел в себя довольно быстро.

Сижу на полу у двери и бормочу что-то. Однако. Чего я там такого напридумывал?

Ха, рана, на шее. Шарф, поди, драный нацепил, а я увидел фиг ли что. Сам себя испугал. Он же ходил, руками меня хватал. Ага, с драной шеей.

Ну на фиг. Где тут у меня пузырь конины был? Сотка «Старого Кенигсберга» (интересно, а бывает «Новый Кенигсберг»?) — самое то.

Прошел на кухню, выжрал стопарь... уф-ф-ф, отпустило.

Смотрю в окно — о, кстати, джигит-то мой — так никуда и не уехал еще. Ничего, сейчас отлежится и уедет. Хотя уже не отлежится, а отсидится — видно, что просто сидит себе спокойно. Ну и ладно.

...Ч-ч-черт, не идет из головы Семеныч... А что, если... А если и вправду? Если они бухали, а потом что-то с ним случилось. (А что? Задышаться стал? От суррогатной водяры? Аллергия — доктор знакомый мой рассказывал, что какой-то отек бывает, так чтоб не помер, надо горло резать. Может, это оно и есть?) И вот они с дедом (тот понятно отчего в ступоре был) меня о помощи попросить хотели? А я сбежал... что теперь? Блин, если он ласты склеит — меня ж посадить могут... Дед, сука, стуканет — и привет судьбе. Как там — «неоказание помощи»? Да по фиг как — по-любому, это ж подлянка какая — реального человека менты же рады законопа-

тить из-за какого-то алкаша. Вот, блин, влип! Что за день сегодня...

Так, нехрен сопли распускать. Надо что-то придумать... А че думать, придурок! Звони в «скорую» и ментуру! Это их работа — вот пусть и работают!

Хватаю мобильный — о, два десятка неответок! А, я ж когда дрыхнуть спьяну завалился в кресле — отрубил звук. Чтоб не мешали. Ну и правильно.

Так, кто тут? Батя — это ясно, пять вызовов, жизни учить хотел... обойдется, сами умные уже...

Остальные от Дашки. Н-да... Она небезосновательно ревнует меня, зная кобелячий характер. Похоже, ждет разборка. Слава богу, пока ничего конкретного, а то бы... Блин, даже думать не хочу — она девка крепкая, может и отделать по настоящему. А еще больше меня пугает... Ну если честно... Пугает, что она меня бросит.

Фигня, конечно. Я реальный парень. И умный, и культурный. Не быдло. Таких девки любят. И вообще... чего разводить, бабы — они дуры, влюбилась она в меня, значит. Вот пускай и терпит.

Но злить ее не надо. Однако звонить мне лень, объясняться, почему молчал. Вечером все — она мне еще мозг проимет по поводу вчерашней моей пьянки. Не, на фиг, попозже позвоню.

Так, чего я хотел-то? А, да — в ментовку и «скорикам»! Сто двенадцать... опа! «Сеть перегружена...» Что за хрень? Еще и еще... бесполезно. Так, с городского... Ага, то же самое. Черт, что-то... а, дурак: эпидемия же, все звонят...

Вот попадалово, а? Выйти, что ль, к Семенычу? Неохота, и ваще, мне-то что — пусть хоть подохнут, — я ни при чем! ...Ага, а потом посадят в клетку, как жирафу.

Нет, придется идти.

Выполз на лестницу... опять колыхнулся какой-то страх внутри... Подошел к лестничному окну, пригляделся... Ф-ф-ф-фу-у-у-у... Нормально все — выбрался Семеныч с газончика на тротуар, стоит рядом с дедком... бакланят, алкаши. Стоят как статуи, хотя сквозь замызганное и не мытое со времен Совка стекло не видать... но явно общаются — зачем еще так стоять?

Поплелся домой, на ходу ругаясь на все на свете: на этих алкашей, на себя, придурка, на идиотский драный шарф Семеныча... чуть не облажался, хорош бы был — вызвал бы ментов и «скорых», был бы вообще как лох...

Хуже ведь нету, чем выглядеть нелепо. Вот рассказывали, помню, в школе: видишь, человек лежит, — подойди, потряси, поговори... типа помощи, «скорую» вызови, помощь... Ага, так и представляю — я, блин, при нормальном прикиде буду какого-нить бомжа или пенсионера таскать из грязи. Да если еще окажется, что это просто алкаш, — вот позориться-то! А если вызовешь, а пока едут — оклемается? Вообще как дурак. А и просто: увидит кто — с каким-то валяющимся в грязи разговариваешь. Фу-у-у, отстой! Нет, я уж лучше мимо постараюсь — в конце концов, я что, нанятый? Есть те, кому деньги платят, это их работа. А я не обязан!

Правда, память некстати шелкнула очередным файлом — год назад помер отцов друг: заблудился в большом саду-дворе, стал стучаться, просить — никто не отвечал или посылал... Он занервничал, потом сердце прихватило, врачи сказали, и микроинсульт — отнялось лицо, говорить не смог — ходил, просил таблетку или «скорую», да все от него шарахались, одна бабка старая подвела к дому, посадила на скамеечку, пошла за водой и таблетками, да поздно: вышла — а он уже умер...

Нет, ну это же другое дело! Это же видно, что человек больной, что помочь надо! А эти суки-дачники не помогали! А в городе — это совсем другое! Тут много всяких служб — вот пусть и работают.

Меня это не касается!

Меня ничего такого не касается!

Моя хата с краю. Вот так.

Решил накатить еще стописят. Эх, хорошо!

Так, теперь пожрать хорошо бы, благо в холодильнике у Дашки пусто не бывает. Она вообще херь запасливый — в шкафу сумка с продуктами стоит, как я смеюсь, «на случай войны».

Хотя ее бабка так выжила в блокаду — они собирались ехать на дачу как раз, а холодильников и магазинов тогда особо не было, потому у них был ящик железный, большой. И вот его набивали к отъезду всякими продуктами — на все лето, считай. Ящик был почти полон. Конечно, двадцать второго они никуда не поехали. И позже не поехали. Отец уже был в армии и сражался в Прибалтике, мать работала в госпитале, куда вскоре и бабка пошла помогать.

А ящик стал их главной ценностью, и, когда после налета дом обрушился — точнее, перекрытия рухнули, — они двое суток раскапывали как могли завал и нашли его.

Из их дома кто остался в городе — выжили только они и две семьи, кому с фронта привозили «гостинцы» те, кто был в армии.

Вот у Дашки и есть, видать, «блокадный синдром» — она, кстати, еще не может ничего на тарелке оставить, доедает дочиста, сколько и чего бы ни положили. И хлеб не выбрасывает — сушит на сухари. Накопила, кроме всего, эту самую «нычку». Консервы, «бомж-пакеты», макароны, кубики, чай, сахар, крупы, масло... Здоровенная сумка «мечта оккупанта», клетчатая такая, с Апрашки.

Ну и еды всегда много. Отобедал, накотив еще «грамму-лечку».

Все, телефон отключить, всех на фиг — и спать. Дашка работает охранником в каком-то мини-супермаркете (от фигня-то, а?) В центре, на Чернышевской где-то. Сменится в восемь, к девяти будет... так, до шести могу дрыхнуть — потом успею прийти в норму, отмокнуть в ванне и вообще все привести в порядок и подумать, что и как.

Обильная жратва и коньяк на старые дрожжи сделали резкий «шитдаун» мозгу, и я, не раздеваясь особо, завалился на диванчик.

Вскоре перед глазами поплыли приятные Наташкины сиськи... потом у Наташки оказалась обвислая рожа Семенича с драной шеей... Потом вдруг издалека ко мне бежал отец, словно пытаюсь что-то показать или предупредить, — и вдруг пропал в каком-то тумане... Туман надвинулся на меня, стал словно толстое стекло, и с той стороны через метр прозрачной брони ко мне рвалась Дашка, в кровь разбивая руки об него, бросаясь всем телом на преграду, беззвучно крича мне... По губам пытаюсь прочесть, но не получается... непохоже, что ругается, скорее, что-то пытается мне объяснить, докричаться... но все впустую... Стекло мутнеет, вновь превращается в туман, он как-то хищно тянется к моей подруге, и она начинает отбиваться, словно туман живой... Потом ее скрывает окончательно. Из тумана выходит фигура... это Смерть. Только странная какая-то. В черном... но это не плащ с капюшоном, а униформа. А на плече стволом вниз висит автомат. Безглазый череп смотрит своими пустыми глазницами из-под лихо заломленного черного берета, как-то словно бы усмехается, потом достает из нагрудного кармана мятую пачку сигарет, бросает сигарету, ловко прикусив на лету зубами. Костлявая рука в обрезанных кожаных перчатках щелкает зажигалкой «Зиппо», Смерть прикуривает от

маленького язычка коптящего бензинового пламени, выпускает густой клуб черного солярочного дыма... Смотрит на меня чуть искоса, потом вытягивает руку и, словно как-то ухмыльнувшись, манит к себе костяным пальцем...

И я проснулся. Это ж надо такому присниться... пора завязывать с выпивкой.

Иду в душ, по пути сдирая одежду: я проснулся весь в липком поту. Наверное, батареи еще не отключили...

Душ приводит меня в порядок. Так, надо решить, что делать. Завтра у Дашки выходной, меня Витя отпустил вроде — если так, поедем, наверное, куда-нибудь. Значит, надо что-то сделать с машиной. Иначе Дашка выест мозг. Мне. Напрочь.

Ладно, посмотрим, что там, придумаю. Все равно надо проветриться и избавиться от тяжести в башке.

Одеваюсь, не торопясь выхожу, спускаюсь по лестнице. Блин, эти два так и торчат там! Такое впечатление, что в той же позе... а ведь я дрых минут тридцать, не меньше, да еще душ. Во горады трывдеть, старцы!

К парадному по двору бежит кто-то. Ба, это ж утренняя фифа-старшеклассница... А ну-ка попробуем... мало ли что — а у меня и хата свободна... Всяко бывает. Быстренько стараюсь придать себе «чОткий» вид. Сбегаю вниз, переходя на «реальнопацанскую» походку. Уверенный в себе мажор — таких девки-то и любят!

За дверью слышен истошный визг — ну да, Семеныч напугал, наверное, как и меня. Видок-то у него... Ха, отлично, теперь надо просто подождать, пока она забежит в парадное, и начать успокаивать и утешать. Это проверено — самое то, особенно с такими малолетними фифами. А ведь, похоже, сработает... Ну давай, умница, заходи, тебя ждут.

Не заходит. Заговорила с этими алкашами? Может, он ее схватил и не пускает, как и меня хотел? Тем лучше — сейчас им легонько напинаю, благо много им не надо, и буду не просто утешитель, но еще и прекрасный рыцарь-избавитель. Еще лучше.

Не торопясь, уверенно в себе, открываю дверь, борясь с тугим доводчиком. Слышатся какие-то звуки... Всхлипы какие-то... Прямо как в трубке Колька плакал... Она там рыдает, что ли? Посмотрим...

...Я только в кино видел, чтоб блевали струей. Метра на

полтора. Ну уж на метр. Все равно. Выпитое и сожранное накануне покинуло мой организм с предельной скоростью.

Никто не плакал. Всхлипы издавали старики. Да и не всхлипы это были. Девчонка лежала на асфальте, а два стоящих на четвереньках существа ее жрали. Они ее именно ЖРАЛИ — зубами отрывая куски мяса. Кровь текла по подбородкам, кровь растекалась вокруг девушки. Семеныч глотал куски — и я видел, что у него разорвана шея. В воздухе стоял незнакомый резкий запах, от которого у меня кружилась голова.

Как я очутился в квартире, не помню. Судя по следам, прямо у задраенных на все замки дверей я блевал еще — уже желчью. Тоже не помню. Прошел в ванную, помылся. Вышел в комнату.

Это же бред. Это просто белая горячка или еще как. Я просто допился.

— Это БРЕД!!! Идите все на хрен!!!

Вот так, когда громко сам вслух ругнешься — помогает. Да, именно так.

Что-то в комнате идиотское резонирование какое-то, словно она пустая. И оттого кажется, что голос дрожит.

— Ага. Кажется. Мне все это кажется!

Кажется. Ни хрена не кажется — дрожит как лист. Это что — от страха? Я что — боюсь?

Да глупости — я современный, умный человек. Чего бояться...

А вот того... тех... внизу...

Я сейчас свихнусь! Надо срочно все обдумать и разобраться!

Так, что-то ничего в голову не приходит... Кто может помочь, объяснить? Ха-ха, три подсказки — «пятьдесят на пятьдесят», «помощь зала» или «звонок другу»?

Звонок! Телефон! Что там? Уже всего один абонент, пять вызовов — Дашка. Вот она-то наверняка уже что-то придумает.

Как только я решил набрать номер, телефон зазвонил. Звонила Даша.

Ну вот и отлично. Недаром говорят — есть китайская поговорка, что если сидеть на берегу реки, то рано или поздно мимо проплывет труп твоего врага. Нефиг торопиться и дергаться, все само наладится. Ладно, ответим. Надо настроить себя на такой нормальный тон, типа все пучком и пальцы веером, зубы шифером. Типа чтобы понятно было, кто главный.

— Аллоу! Внемлю.

— ...Слушай меня внимательно, придурок.

— Э-э-э... Че? Да ты...

— Закрой хавальник, дятел. Слушай меня молча.

Голос у нее какой-то... Даже не сразу понял какой. Какой-то **ОЧЕНЬ** спокойный. **СЛИШКОМ** спокойный. Бывало, что я слышал у нее такой тон, — но там проступала холодная ярость, а тут... Не было никакой злобы, угрозы. Но вот спорить не хотелось никак. Даже отбрехнуться от наезда, как положено реальному пацану. А еще у нее голос был очень усталый, смертельно усталый и... отрешенный какой-то. Таким голосом говорят, когда уверены, что возражать не будут. И я не возразил.

— Я сейчас буду тебе рассказывать, а ты слушай. Не перебивай и не переспрашивай. У меня постепенно садится батарея, и зарядить мне ее негде, некогда, да и возможности уже такой нет. Усвоил?

— Угу.

— Значит, так. В городе эпидемия. Смертельная. Передается укусом. Или еще как — с кровью или слюной больного. От нее умирают, и довольно быстро. Потом оживают трупы и идут жрать людей. Живых. От их укусов живые умирают. **ЗАПОМНИ. ЭТО. НЕ. БРЕД. И. НЕ. РОЗЫГРЫШ. ЭТО. СМЕРТЬ.** Это ты способен усвоить? Ты меня понял? Ответь.

— ...Да, понял. — А что еще сказать? Пять минут назад решил бы, что у нее глюки. Но это пять минут назад.

— Дальше. Их трудно убить. Только если прострелить или пробить голову. Мозг поразить. (Опа, щелк файллик — Юлька из турбюро: менты на улице стреляли... «прямо из автомата в голову... на людей бросался...») Дальше. Звери тоже болеют — собаки, например. С теми же последствиями. Они тоже опасны. (Щелк... Михаил, «собака странная», «еле убил»...) Друг друга они не жрут. Трупы своих же — жрут. Когда жрут — неопасны, ничего не замечают. (Блин, когда она успела все это узнать?! **КАК** она все это узнала — даже думать не хочу...) Слушай дальше. Они если наедятся мяса — становятся быстрее и умнее, так еле ходят и тупые (да, видел, это точно, тупые и вялые). Если еды нет — замирают и стоят неподвижно (ага, это тоже понятно, видел). И главное — если они едят много от живого человека — они изменяются. Растут. Становятся сильнее и ловчее. С такими не справиться без оружия. Они очень опасны... — Она чуть помолчала и добавила неохотно: — Один такой меня чуть не убил. Прыгают на несколько метров, сильные.

— А ты где? — все же перебиваю ее.

— Сейчас, — устало говорит она. Слышно, как она делает несколько глотков. — Сейчас объясню все. В городе, в центре, ИХ очень много уже. Из города надо бежать, тут не выжить. (Щелк... «дачники», «охотники» на джипах, с ружьями, пробка на выезд...) Войска в город не ввели — наверное, не успели. Менты всякие, некоторые нормальные (че она бредит, бывают, что ль, такие?), некоторые сами себя спасают (вот это похоже), ФСБ никого к себе не подпускают, стреляют во всех, кто подходит. Мы сейчас (мы? Она не одна? Ну да, проще шоблой-то держаться...) в «Петровском Форте», напротив «Авроры» (знаю, уродливое здание, пристроенное к гостинице... эх уже занесло-то далеко). У нас есть еда и питье, из нашего магазина. Тут только электричества нет. Слушай дальше. Народ собирается прорываться в Петропавловку — там собираются живые. У нас тут ребята с оружейного магазина, им коллега позвонил (так, из оружейного — значит, оружие есть? Блин, везет ей!). В Петропавловке военные, там защита, там власть. Там можно выжить. Больше нигде — или за городом. В городе скоро будет сплошное ходячее кладбище.

— Блин, откуда ты столько знаешь-то? — не выдерживаю я.

— А... Оружейникам звонил их друг, рассказал — им какой-то доктор разъяснил про упырей все, говорит — сами не верили, но он вроде все точно описал, кто-то там в какой-то лаборатории секретной, что ли, работает... Или в больнице какой-то... в общем, не знаю. А кое-что я сама видела. У нас в магазине — и пришли укушенные, и умирали. Потом кусались — и те тоже умирали. И тоже вставали... и всякого много было за день. И мяса наш грузчик наелся в разделке — шустрый стал. Он мне помогал первых утихомирить — мы их сдуру связали. А его цапнули. Вот он и пошел отдохнуть... потом вышел. Потом еще на меня девка... бывшая... прыгнула. Уже поменявшаяся, только по остаткам одежды понятно, кто был. Как обезьяна какая или монстр какой... ну из компьютерных игрушек... Брр... — Ее явно передернуло. — С ног сбила, прижала... хорошо, выстрелом сшибли ее... ребята эти из ружейного — стрелки хорошие, да и вообще парни умелые.

Меня начинает трясти вообще запредельно. Вот сейчас она скажет — все, чао, беби, я в компании парней с оружием еду туда, где безопасно и хорошо. А ты — оставайся в этой заднице. В этой мертвой заднице. Сколько я один тут продержусь?

— А... ты... как бы...

— Я в порядке, удалось разжиться ружьем. Как — уж не спрашивай.

И не буду, ясно, что незаконно, — она давно хотела купить оружие, но мешала прописка областная и какие-то свои терки с участковым. А вот теперь точно песец. У нее ствол, рядом крепость, где собираются живые, с ней вооруженные крутые мужики. На кой я ей? Обида подступает комком к горлу. Чувствую себя каким-то котенком, которого оставляют на даче наигравшиеся за лето дети.

— Так. Все усвоил? Все понял и запомнил?

— ...Да. — Голос у меня малость дрожит.

— Тогда теперь о тебе.

Все, вот оно. Сейчас она и скажет: «Счастливо оставаться!» Блин, обидно-то как...

— Ты где? У себя на работе, на Пионерке?

Да какая тебе разница! Что, поиздеваться решила? Так и хочется заорать в трубку: «Да и хрен с тобой — катись в свою Петропавловку, трахайся там с охотниками и военными, живи и радуйся! Стерва!..» Как мне все-таки обидно и страшно!

— Нет, я дома... нас отпустили днем...

— ...Днем?.. КАКОГО ХРЕНА ТЫ НЕ БРАЛ ТЕЛЕФОН?!!

А вот теперь в ее голосе столько ярости, что еще немного — и она начнет сочиться из моего мобильного и прожигать все на манер слюны «Чужих». Да какое твое дело, что я и как делал? Отвяжись — ясно мне, что ты все уже решила для себя. Покомандовать охота напоследок?

— А че...

— Идиот. Боже, какой дурак. Долбон... Бли-и-и-ин! Ну почему, почему ты мне не позвонил днем...

Она внезапно начинает плакать. Это настолько неожиданно, что я молчу. Плакала она при мне всего несколько раз, это для нее нехарактерно. Ничего уже не понимаю... Впрочем, она быстро успокаивается.

— Так, ладно. Извини, нервы. Устала уже очень. И нога болит сильно. Растянула, похоже. То, что ты дома, — это даже хорошо. До Петропавловки тебе, да еще одному, на машине не добраться (ну спасибо, напомнила... кстати, про машину же она не знает, что не завелась). Но там на окраине спокойнее, наверное, и выезд из города рядом (о, отлично: я в крепость с военными — а ты, дорогой, дуй в лес. Спасибо, родная!). Дома запас еды есть (ага, откупила типа от меня, да?), и супермаркетов полно. Пока можешь успеть закупить всего. Слушай, что надо. Еду понятно — консервы и все, что

не портится... если еще осталось. Шоколад, воду питьевую... Туристские плитки и баллоны, сухое горючее, фонарики и батарейки, спальники, одежду крепкую спортивную, обувь покрепче, лучше высокую... Инструмент, особенно топоры и молотки, — пока для тебя это от «зомби» — так их уже прозвали — единственное оружие. Возьми у меня, что найдешь, в моем «туристском» шкафчике — там разберешься. (Спасибо, милая, — вот и шмоток мне с барского плеча оставила! Ох, спаси-и-и-и-ибо! Век не забуду твоей милости!) Надень несколько слоев, поверх — кожанку. Перчатки — у меня есть еще пачка рабочих из хэбэ и брезентухи, там найдешь — в несколько слоев тоже наденешь. Обувь крепкую. Ноги под штанами обмотай полотенцами и скотчем прихвати — не прокусят. Не лезь в темноту. Не подходи ни к кому, кто стоит неподвижно. Не протягивай руку, куда не видишь... тут один так попался... Зомби бей только в голову, а если сломаешь ему ноги — он ходить не сможет, но поползет. Отскакивай в сторону — и бей сбоку. От шустрых не убегай — не сможешь... тоже видели уже... Если попадетса отожравшийся — увидишь непонятное что-то и быстрое, — убегай сразу и как можно быстрее, пока тебя не заметил. Иначе без оружия ты пропадешь. Езжай на машине (на какой, мля?!), осторожно на погрузке и на входе в подъезд. Сумки, кстати, возьми, дорожные, на шкафу, и в магазине, если есть, возьми, и рюкзаки. В «О'кей» у метро не суйся — у тебя «Лента» рядом, и дальше «О'кей» на Просвещения — угол Выборгского. Деньги с нашего счета сними все. (Да, копили на реальную тачку... Что, бабло мне все даришь? Ну и спасибо, хоть что-то с тебя...) Купи на все, не оставляй ни копейки. (Ага, а потом как накопить?.. Хотя... Потом? А когда это — потом?) Заправь машину, если заправки еще не пустые. Если что, то в конце Композиторов «Лукойл», он на отшибе, может, еще есть, и в конце Художников, у «Каретного Двора». Мотанись туда, залей бак и канистру, если есть — купи еще канистр в «Ленте» — там пластиковые в «Автоварах». Ну пока все... Да и людей опасайся не меньше зомби — ты один и с добром, не светись. Сейчас оборзели все, без меры. Никаких понтов не разводи — или сбегай сразу, или бей тоже сразу. Вроде все.

Ну вот и поговорили. Напутствие мне дала, так сказать. И на том спасибо. Будто я сам не разберусь. Самая умная нашла. (А что, дура? — это кто-то внутри спросил. — Она дура — в километре от безопасного места, с оружием и людь-

ми — или ты, один в пустой квартире, с пустыми руками? Может, ты дурак, а?) Заглушив неприятный голосок, все же выдавливаю из себя вопрос, чуть ли не с ненавистью спрашиваю:

— А ты что? — Хотя мне уже и так все понятно. Расклады ясны, свой «типа долг» она выполнила, мне цеу выдала. Отдала, так сказать, в наследство или в приданое свою долю в деньгах, вещей своих туристских не пожалела... Спасибо, вот жизнь-то настанет! Наверное, сейчас еще напоследок как-нибудь подкольнет, типа «милый, мы потом с тобой обязательно встретимся!»... Почему мне не повезло так? Почему? Это несправедливо! Я не заслужил такого невезения!

— Я-то? — устало усмехается она. — А что, по-твоему, у меня есть какой-то выбор? Есть варианты? По-моему, все и так ясно...

Ну вот теперь и мне действительно все становится ясно.

— Ясно, — говорю я. А что еще сказать? — Ну пока...

— Подожди. Я не знаю, смогу ли я тебе еще позвонить... (А ты собираешься мне еще звонить? Интересоваться — не сдох ли я? Спасибо за заботу!) Если только СМС... Хотя я не знаю, сколько еще будет работать связь.

— Ладно, чего еще? — уже почти грубо спрашиваю я. Нефиг меня мурыжить — поиздевалась, и хватит.

— Надо договориться на будущее, если что.

Ага. На будущее. У кого оно будет. Циничная тварь. Давай, издевайся, давай!

— Какое будущее?

— Скоро все отсюда пойдут на прорыв в Петропавловку. Здесь уже нельзя оставаться. С каждой минутой все прибывает упырей. Скоро все живые уйдут отсюда.

Очень приятная информация. Рад за вас. Это вот это — «на будущее»? Ага, спасибо.

— Ну и?

— Я тоже выхожу.

А кто бы сомневался! А я вот никуда не выхожу.

— Так что давай двигай по торговым, пока относительно спокойно там. И заправки, как говорили. Когда я доберусь к тебе, будет уже не до того.

— ЧТО?!

— А ты думал? Пробки намертво, местами двери не открыть, и много кто уже и там упырями стали. А кто живой — заперт... Проехать очень тяжело и опасно. Машину найти несложно, а проехать не получится, но тут есть идея...

— Подожди... — Я пытаюсь себя заставить верить в то, что услышал. — Ты... ты... поедешь ко мне?

— Ну а куда же? Ты ведь сам до крепости не доберешься — и оружия нет, и водишь ты... не очень, ну и вообще... ну нам вдвоем легче туда добраться будет... — естественным тоном говорит она — как будто другого варианта и не могло быть в природе. Да, похоже, для нее именно так и обстоит дело.

Мне вдруг становится нестерпимо стыдно. Я вообще-то считаю, что стыд — это пережиток, и вообще это комплексы и все такое. Но вот сейчас мне стыдно. Чувствую, как горит лицо. Дашка с самого начала не собиралась меня бросать. А я хорош, нечего сказать. Впрочем, эти глупости быстро отгоняю. Нормально все, я просто ступил сначала.

— Но как же ты доберешься-то? — уже больше с надеждой спрашиваю я. Внутри вдруг поднимается волна радости. Так, похоже, все налаживается — значит, надо брать себя в руки. И вообще — чего-то Дашка раскомандовалась... Кто вообще у нас тут главный?

— Тут оказия вышла — мне один мужчина лодку резиновую подарит. Я его самого и его дочек... гм... спасла. Ну действительно спасла. От их же жены и мамы... да. Так вот они едут в крепость. У него маленькая лодочка китайская — в багажнике завалилась. Когда станут прорываться — они прикроют, я ее вытащу и накачаю, компрессор тоже есть. Дальше до Ланского шоссе доберусь, там, на Сабировской, в промзоне, разживусь тем транспортом, что пройдет по пробкам. Грузовиком помощнее, например.

— Ты разве умеешь водить грузовик?

— Придется суметь.

— Но там же везде эти... как их... упыри!

— У меня ружье, это мой трофей, и никто не заберет его. И еще есть кое-что...

— А ты что, умеешь им пользоваться? — задаю довольно дурацкий вопрос. Знаю же, что она на курсах охранников тренировалась и вроде как умеет... пытаюсь на ходу переобуться. — Ну в смысле — ружье-то нормальное?

— А че там уметь-то? — В голосе искреннее удивление. — Обычная короткая Мурка тридцать третья...¹

Ага, вот теперь все понятно. Мурка. Тридцать третья. Яс-

¹ Ружье помповое гладкоствольное МР-133 производства Ижевского завода Ижмаш.

но мне все. Тридцать двух пушистых мурлык она в упырей уже зашвырнула, тридцать третья на очереди.

Хотя — а чего спрашивал, если ты сам в этом ни фига не понимаешь? Вот спросил — вот тебе и объяснили. Мурка. Тридцать третья, ага.

— Патронов вот только маловато у нас... Много мне не дадут, — с сожалением говорит она.

Да, я че-то и вообще упустил из виду, что к оружию нужны патроны... Блин, в кино-то как-то обычно патронов всегда валом. А где их берут? Черт, сколько надо думать, голова пухнет...

— В общем, так — у меня уже пискнул, что батарея садится, потому заканчиваем. Хватит на несколько эсэмэс. Действуй по своему графику, только — умоляю — осторожнее. Я буду ближе — спишемся. Ну до встречи!

— До встречи, бейба. Смотри, поторопись. И не шали там, лады? — Ну вот, тон уже вполне нормальный. И чего я психовал и боялся? Ща все будет. Ща все путем.

В трубке слышны короткие гудки.

Устало тащусь к окну. Тупо пялюсь на изгиб проспекта Луначарского... Офигеть.

Взгляд зацепляется за стоящий у въезда «форд». В нем так же сидит джигит. Сидит абсолютно неподвижно. Опаньки...

В комнате кто-то начинает идиотски хихикать. Ага, кто это? Да это же я. Дошло, с кем я ехал. И как мне повезло. Тупо ржу.

Надо обзвонить, кого знаю. И кого надо.

А кого надо? У меня двести номеров в телефоне. Всех обзванивать? А на фига они мне все нужны? А кто нужен?

Сначала — отец. Он вообще-то может реально помочь. И подскажет, и вообще. (Внутри что-то опять шевельнулось. Вспомнилось слово, ассоциирующееся только с детством. Совесть.) Чувшь какая: совесть — это для лохов. «Ай, мне стыдно, что я не позвонил папочке! Ай, ай!» Ага, щаз.

Телефон отца не отвечал. Он не был выключен, давал гудки, но отец не отвечал.

Набираю вновь и вновь.

Телефон отец носил всегда на поясе, с гарнитурой. Днем всегда при себе.

Если он на колесах, то нечего бояться, водит отменно. И машина хорошая, паркетничек корейский. А если ДТП? Он ведь выйдет. И остановится помочь. После пяти минут бесплодных вызовов опускаю голову на руки. Вспоминаю,

что в последний раз, когда видел отца, то, как всегда, поругался и даже не попрощался по-человечески.

Блин, вот ведь... Не, ну че, все естественно — первыми гибнут дети и старики, да? Я же не старик. А вот он уже пенсионер, ну как бы — тово, нежизнеспособен. Естественный отбор, ага. Все хилые и слабые сдохнут, а сильные и умелые типа меня — выживут. (А внутри что-то холодное хватает за сердце. Я перед кем оправдываюсь-то? Перед собой? А не поздно, оправдываться-то?)

Да чего оправдываться! Че ваше за тупня — я просто конкретно выживаю! Я чисто как Брюс Виллис. И ваше ща пойду рвать всех упырей! Я крут!

Кто там дальше? О, хорошие знакомые отца, дед с бабкой. Они все врачи — это да, полезно. Звоню им на городской — может, дома все?

Трубку берет бабка. С ней надо повежливей — дворянская кровь и все такое. Да и вообще...

— Алло.

— Татьяна Сергеевна, добрый день...

— Не так чтобы добрый, но здравствуй, Саша.

— Вы уже в курсе? — Дурацкий вопрос: в курсе ли врачи, что в городе эпидемия?

— Да, более чем.

— Ясно... я вот тоже... Как вы дальше?

— Сергей Николаич совсем плох. Везти его мне не на чем и некуда. Мы остаемся здесь. Будем жить до конца. Я тут пережила блокаду, тут мне и закончить путь. Сергей Николаич без ухода и лекарств долго не протянет. Я о нем позабочусь. А сама... придумаю. Потом, когда все кончится — а оно должно кончиться, — если сможешь, загляни к нам... Приберись тут. Если будет возможность.

— Обязательно.

Ага, че мне там? Хотя... если они все ласты склеили... квартирка... Не, эт сложно. А вот барахло — эт да. Будем иметь в виду. У них много фамильного всякого осталось. Пригодится. (Внутри опять забубнил голосок, обозвав «трупоедом».) Да фиг там! Я ж просто прикидываю, что все равно бесхозное останется, — не я, так еще кто приберет. Все нормально, все путем. Время настало такое, понимать надо. Теперь кто крут — тот жив. А остальные — чисто расходный материал.

— Спасибо.

Говорить больше нечего, и мы вешаем трубки.

Так, дальше. Парни из спортклуба... Э, нет. Не хочу я им звонить. Че-то неохота. Сам не понял... боюсь я, что ли? Нет, не боюсь — мы давно дружили... когда-то... но что-то неохота, и все. Но вообще надо — там выходы на всяких крепких ребят, на оружие, на загород и все прочее. Придется звонить. Набираю.

Занято. Еще пару раз — занято.

Вот. Отлично — не зря я не хотел. Судьба, значит. Точнее, не судьба. Ну не хочется мне с ними говорить. Еще командовать начнут или советы давать. А че мне советы, они мне кто, авторитеты? Ага, ща. Не дам собою командовать, и советы давать обойдутся. Я не было какое-нибудь.

Следующие четверть часа прошли в обзвоне прочих мало-мальски полезных знакомых. Шмар обзванивать не стал — пока не до них. Из пацанов че-то много не отвечали. Почти все. Ответили немного. Пара — были бухие в сиську. Несколько — просто обгадившиеся от страха. Накидал им понтов, пересказав «типа я придумал» Дашкины инструкции. Почувствовал себя крученым авторитетом, — а ведь вчера еще кое-кто из них меня жизни учил! Вот вам, казлы, — вкуривайте, кто теперь чОткий! Трое, впрочем, послали меня, по-моему, просто от страха. А двое (как раз один недалеко живет, Вадик зовут) — вняли.

Еще один рассекал бухой «на тачиле по райену» с телками в обнимку. Звал к себе. Правда, разговор оборвался некстати: «Э-э-э, бэйбы — гля, как я умею! Оп-па — а?! Не визжите, все под контролем! Сма-а-ари еще, оп-па... оп-п-п, йе-э-эй-о-о, бли-и-ин!..»

А вот еще пара пацанов — те меня огорчили.

Один сообщил, что менты конкретно не секут поляны, и они подломили салон связи, и у него теперь до хрена бабла и совершенно улетная мобила. И еще есть несколько, даж подарить может. Ага, блин, благодетель! А еще они ща как раз курочат точку, и у них бухла будет до задницы и жрачки.

Правда, он отвлекся, потому что к ним пришел упырь, но, судя по звукам, они его чем-то отбуцкали насовсем. Притом он это комментировал в трубку.

Взяла конкретная зависть. Блин, они реально крутые перцы! Живут ваще и не боятся всех этих упырей! И четко имеют что хотят, чисто «городские хищники».

А я, блин, тут сижусь, как лох, и обделываюсь от вида двух старперов внизу! Да че я, хуже?! По-быстрому свернул разговор — мол, самому пора «на дело».

Второй — Артур — еще больше огорчил. Он всегда был крут, гонял на отцовской «тойоте», всегда имел бабло, говорят, мутил что-то с наркотой, и у него всегда были телки. И неплохие. Он даже отсидел немного, а это вообще круто — «на зоне» реально становятся настоящими бойцами. Он, правда, сидел не за убийство, а за то, что пытался трахнуть какую-то малолетку, но все равно сидел конкретно. И вышел весь в наколках. И притом парень скромный, как и положено реальному герою. Не задается, говорит — блатная масть его невысокая, потому в компании уголовников вел себя сдержанно, наколок не показывал — мол, не по чину и все такое. Про зону говорил всегда неохотно — мол, «там песец как все жестоко, патсаны, реально полная жесть! Я ваще не хочу говорить об этом, это надо пройти, а не трепаться! Это школа жЫзни!». В целом — матерый такой чел, да.

И ствол у него был — не убогое ружье какое-то, а настоящий ТТ. Правда, стрелял резинкой, но он говорил: «Фига-шит доску насквозь, на, без базара!» — и показывал простреленные дюймовые доски. Серьезная штука, в общем.

Так вот Артур оказался реальнее всех. Он уже завалил из своего ТТ в башку десятка с полтора упырей, причем выбирал покруче прикидом, — и разжился реальным баблом и мобилами, даже пара ноутов есть и КПК с Ай-Подами.

А главное — у него теперь офигенная тачила. «Шевролет-Тахой». Он заприметил, что водила сдох и обратился в упыря, сидел там. Искусан, видно, был. Он подошел, тот на него уставился — он ему дверцу пассажирскую открыл, тот и пополз, а как выполз наполовину — он тут-то ему мозги и вшиб аккуратно в асфальт. А тачка чистенькая, салфетки влажные нашел, оттер сидуху — и теперь гоняет как король. Только плохо, что местами пробки, — по центру не прокачаться, да и у нас направления на выезд забиты. Он и разговор чисто так закончил свысока — ну, мол, некогда с тобой тут тряндеть, ща буду насчет телок соображать.

Зависть просто начала меня жрать не хуже упыря. Так ваще все просидишь! Ишь, испугался двух тупых упырей! Ща пойдем на промысел! Кстати... Идея с машиной мне понравилась. «Шевролет-Тахое» поблизости не появлялся, а вот джигита надо так же грохнуть — и я на колесах! Потом поменять на лучшее, а пока так — ну не пачкать же мне руки, возясь с жигой? Надо собраться — и вперед!.. Но только сначала собрать по-быстрому то, что Дашка велела. А то если она приедет, а у меня нет того, чего она хотела, — «Тахое» не по-

может. Значит, так — сначала тачку и в «Ленту — О'кей», закупаюсь, — а потом съезжу на промысел. Ничего, мне хватит, я быстро сейчас.

Решение было принято. Жизнь заиграла совсем новыми красками — все оказалось не так и плохо. Общая беда давала конкретному человеку (умному, сильному и умелому... мне, в общем) охрененный ШАНС. Дашка просто перепугалась, сидя взаперти... ну понятно — девка все же, да стреляли в них, и какой-то мегаупырь чуть не сожрал. Вот и вдарилась в истерику. А еще эти оружейники, ха! В Петропавловку они собрались. Во-во — пусть там и сидят по казематам, народо-вольцы хреновы. А пока реальные парни возьмут то, что им по жизни положено. Ниче, ща все куплю, потом найду мега-тачку и встречу ее типа: «Але, милая, че, помочь чем? Да все нормально, сейчас все будет ок! Жди меня, киска!» Еще бы ствол раздобыть, чтобы из окна на ходу с одной руки отстреливать упырей, как Стивен Сигал в кино. А че, может, и ствол найду, я ваще ловкий. Ну психанул сначала немного, эт просто с похмельюги. Кстати, а если граммулечку? Идея.

Все вновь стало хорошо.

Начну, пожалуй, собираться.

Так, что там Дашка сказала? Одежду покрепче? Ога, ща посмотрим. Джинсы, джинсовая же куртка... нормально, стильный видон. А, надо же подмотать под брюки... блин, жарко же будет, и вид нелепый. Да и джинсы у меня модные, если под них подмотать — не присесть, да и надеть тяжело. На фиг. Куртец... так, вот косуха в заклепках — чисто броня, во, что надо! О, я выгляжу-то отпадно! Чисто Блейд. Вау, крутта...

Так, что там насчет обуви? Кроссы? Не, не катит, вид лховской. Во — казаки! Самое оно, и причем высокие и прочные! Так, бандану навязать, вот, с черепами...

Блин, сфотаться, что ли? Просто идеальный супербоец с упырями! Дробовика и кольта за поясом не хватает.

Вот это, кстати, да, везет Артуру — он с пестиком. Энтузиазм куда-то пропал: увидел собственный выблев у двери — вспомнил, что сейчас придется реально гасить упырей... А чем? Оружия-то никакого нет... М-да... Вот бы дробовик был! Как в кино — раз-раз, и в ствол так дунуть. «Иди к папочке, тварь» или «Аста ла виста, беби!».

Блин, нету ствола-то.

Че делать-то?

О, вот оно! В углу стоит Оружие Пацана — бейсбольная бита. Вся такая черная, тяжеленная — в «О'кее» за двести рэ купил. Еще одна в машине валяется. Вот так, ага, ну-ка, так, в зеркало посмотримся...

О-О-О! ВОТ ЭТО КРУТОЙ МЕН!!!

Я просто шикарен. Реальный парняга, в джинсе, казаках, коsure... С тяжелой черной битой в руке. Истребитель вампиров. Все, ждите, твари, я иду к вам.

Азарт охватывает, как будто уже выпил для храбрости. Надо бы. Но решаю «быть серьезным бойцом» — типо про-фи перед делом не пьют! Че, я ж не мальчишка, сейчас объ-ясню всем, как надо бить упырей.

Черт, ведь реально круто — вот сейчас буду мочить кого-то битой... как в кино. Так вообще, если честно, не приходилось никогда. Один раз попробовал, но там обломалось. Ехали с Артуром на его «тойоте» и не пропустили какой-то убогий «Иж-«каблук». И он нам в бампер влетел. Несильно, но, блин, это ж вообще — какое-то совковое быдло на ржавом корыте еще права качает и не уступает дорогу дорогой машине! Мы все вылезли, и я тогда биту взял. А из «каблук» вылезли два каких-то дедка. Мы на них сразу наехали — мол, бабла гоните! Один — нам рассказывать, что типа все цело, а они претензий не имеют, и мы можем ехать.

Ваще просто охренел. Да вы че? Бампер поцарапал? Плати, твою мать!

Он типа про правила, ГАИ вызвать...

Какое, млин, ГАИ? Че мы, как фраеры будем ждать, потом по страховым бегать? Да ты охренел, гони деньги! Некогда нам!

Артур еще так куртку расстегнул, а у него за ремнем по-крутому так тэтэшник засунут. Чтоб видели, с кем дело имеют.

Они, кстати, реально и припухли сразу — тихо так все, спокойно, даже хамить не пытались. Один перед Артуром совсем стоит руками разводит, что-то мямлит. А второй рядом со мной, топчется на месте, лацканы куртки мнет, прям качается со стороны в сторону. Явно его от страха плющит.

Но все равно бабла давать не хотят. Жмотятся, казлы старые. Тут Рома, наш клоун, все испортил — так бы мы допрессовали старперов наверняка. А этот баклан как заорал: «Да я, блин, ща вашу колымагу ваще всю расфигачу!» Он бухой был сильно, краев не видел совсем.

Мужичок, что рядом со мной стоял, водила, насупился — и в ответ: «А ну попробуй, коли здоровья не жаль!» Деды —

они вообще за свое гнилое железо обычно резкие. Тачка дерьмо, а понтов — как будто у него «лексус», блин.

Ну этот даун, Рома, протиснулся вперед и — фиг ли пьяному казлу? — вмантулил ногой в крыло — вмятина реальная осталась. Тока как будто от отдачи отлетел и упал мешком. Я только потом понял, что это его старпер-то зафигачил. Боксер, что ли? И стоял как в стойке уже.

Мы немного припухли от такой наглости, а потом Артур за пушку, а я размахнулся, как в кино — правда, Колючему, что сзади стоял, в скулу несильно долбанул, — ну и хрясь мужичку по башке!

Ну то есть хотел по башке. Только тут фигня вышла — он присел, бита так над ним и пролетела, а он руку к моей кисти поставил, еще что-то — и вдруг бита мне прямо дальше так в морду и полетела. И все.

Колючий рассказал, что меня отрубило, и он отскочил на фиг, а дедок стоит битой помахивает. А второй — Артуров ТТ в руках крутит, а Артур сидит, за кисть держится и скулит.

В общем, облажались мы тогда малость. Биту потеряли, ствол мужики конфисковали, и Артур ездил его забирать. Он рассказал, что они требовали, чтобы он дал выкуп за помятое крыло «Ижа», но он им там обоим люлей дал и ствол забрал. Он говорит, что и тогда бы им вломил, но побоялся за нас, да и что машину бы покоцали. Пытался на Рому навесить, что он полез, и на меня, что я битую проморгал, но мы его послали — сам-то ствол тоже пробакланил, а на нас гонит.

А ваще это тогда тем козлам чисто повезло. Мы немного бухие были и вообще их пожалели — могли сразу навалиться и отпинать. Но хотели по-человечески поговорить, как с людьми, а они, казлы подлые, нас подловили.

Ладно, это все лирика и свистобольство. Сейчас-то они там не боксеры и вообще тупые и сонные. Хотя они девку жрали... Ладно, вот и отомщу за ту сисястую. Жаль, знал бы, что сожрут... э-э-э, да че там.

В общем — зомбокиллер идет в бой. Так, перчи еще надеть, во, кожаные! Надо очки темные добавить — теперь просто чисто Голливуд!

Вперед!

Распахиваю дверь, выхожу... Блин, че-то охренел немного. Надо осторожнее, как в кино, так, битую наготове, на полусогнутых, весь в напряге и готов бить... во, реально жОсткий киллер!

Дверь закрыл, ключи небрежным таким уверенным жес-

том в карман джинсов. Пошли вниз — весь такой суперпрофи, жаль, девки не видят. Да и пацаны бы обзавидовались. Ладно, еще посмотрят на меня. Еще буду бродить по району и дубасить упырей.

На втором этаже полусогнутые ноги затекли, а напряженная рука с занесенной для удара битой немного онемела. Ну на фиг, нет тут никого. Пойду нормально. Уверенно насвистывая через зубы, покачивая биту в руке, не торопясь, спускаюсь на первый.

Ну вот, все нормально. Постепенно приближаюсь к железной двери... и немного непроизвольно замедляюсь... ну совсем немного. Эт типа чтобы обдумать обстановку... профи не ломаются напролом! Разведка прежде всего — я же не тупарь какой.

Твою ж... Быстро взбегаю наверх, смотрю в мутное окошко. О, только дедок на месте, Семеныча не видать. Ушел, что ли? Тем лучше.

Уже совсем спокойно спускаюсь вниз.

Прохожу мимо зарешеченного входа в подвал, впереди — входной шлюз с внешней железной дверью. Стою, прикидываю... ну вот, пора. Ща я тебя... шагаю к двери.

Сзади раздается какой-то шорох...

Дашке было плохо.

Во всех смыслах.

Прежде всего... Хотя какое теперь прежде?

Прежде всего потому, что вокруг была самая что ни на есть реальность. Господи, как иногда можно мечтать о кошмарном сне! Наверное, да, плохо прежде всего потому, что все так, как есть.

Адреналин ушел, и навалился откат. Было очень плохо.

Еще было холодно — на воде столь милый питерцам вечный балтийский сквозняк особенно сырой и продирает до костей. Ну это скоро привыкнется.

Болела нога. Любое движение стопой вызывало боль.

Разула ногу, закатав штанину джинсов, надетых поверх форменных брюк, потом брючину, опустила горящую стопу в ледяную воду. Вроде бы нельзя так, но стало легче. Подержала, вынула, обтерла одноразовой салфеткой. Полегчало. Таблетка пенталгина — третья за день... хотя уже не помогает практически.

Еще было плохо, потому что страшно. Страшно плыть на

резиновой лодке по битому льду. Она вообще боялась глубокой воды, плавать научилась только прошлым летом. А уж в апрельской ледяной воде... лучше не думать.

Что еще плохо? Да почти все... пожалуй, надо посмотреть, чего хорошего есть. Так будет проще, потому что быстрее.

Что хорошо?

Жива пока — уже главное счастье в теперешней жизни. Много кто к сегодняшнему надвигающемуся вечеру в этом городе такого счастья уже лишился. И еще многим и многим предстоит лишиться в ближайшие часы и дни. А она пока жива. И это хорошо.

Есть оружие — это второе главное счастье на теперь. И тоже — многие, и даже очень многие из тех, кто имеет первое счастье, — этого второго лишены. И оттого скоро большинство из таких расстанется и со своим первым и главным счастьем — жизнью. А у нее есть шанс. И патроны есть — немного... меньше, чем хотелось, но больше, чем могло бы быть. Спасибо, парни из ормага помогли (интересно, помогли бы они мужику в такой ситуации? — мелькнула мысль).

Даша погладила по стволу свое оружие, Мурку, МР-133, дорогую, но хорошую помповую гладкостволку Ижевского завода. Двенадцатый калибр, четыре заряда, ствол пятьдесят сантиметров, обычный удобный приклад. Не вундерваффе, но обычное оружие, так сказать, «с неопределенным артиклем». Такому место в каждом доме «на всякий случай».

На какой? А вот на такой... и не надо говорить: «Да кто ж знал-то, что так случится! Знал бы — так уж!..» А вот у кого было оружие — тому и знать не надо было.

Сама хотела такой ствол, да вот все у нас хорошо с законным оружием, кроме прописки и всего, что с ней связано. А участковый не пропустит сколько сможет — полученные звездюли помнить будет еще долго, хотя много лет прошло с той послешкольной вечеринки. А нечего было тащить «на освидетельствование» в отделение и в кабинете пытаться лапач. Из-за него отчасти и в Питер перебраться пришлось...

Прежний владелец Мурки прицепил к ней ремень с патронташем — неудобно, конечно, но зато всегда оружие с минимумом припаса хранится. Десять патронов — это немало. Хотя и нарушение так хранить — да ему-то уже все равно. Да и не помогло ему это, судя по всему: он так ни разу и не выстрелил. Наверное, забежал домой уже покусанный, схватил ружье и поехал куда-то — скорее всего, кого-то выручать. Не доехал. А может, и доехал, неизвестно. Но он так и

сидел в «мазде», а Мурка лежала на заднем сиденье. Когда она увидела ружье на сиденье авто, мимо которого проходили и из которого на них тупо тарашился упырь, — даже не поверила своему счастью.

А вообще этот ремень с патронташем был неудобен, и она сменила его на простой автоматный, обмотав полосками ткани карабины. Оставшийся ремень-патронташ теперь очень удобно пристроен наискось на груди. В нем десять картечью, да еще пачка таких же, еще десять, в рюкзаке — подарили ребята. Да четыре «в наследство» — с пулями стальными, написано на гильзах: «Удар». Ормаговцы хвалили, сказали: «Оставь на серьезное что — замок сильный выбить или типа того». Мол, считай, бронебойные. И с ними, россыпью по карманам, еще двенадцать штук. Дробь «девятка», со спортивной навеской, двадцать с небольшим граммов. Хорошо, что помпа такие кушает и не давится, а полуавтоматы у ребят такое не так любят. А уж на небольшом расстоянии упырю хватит и спортивной навески. Еще четыре таких же в магазине и один в стволе. Эти спортивные — в первую очередь пойдут.

Дашка опять погладила ружье — оно ей определенно нравилось. Нетяжелое, удобное, и резинка на прикладе очень кстати, несильно бьет. И зовут ласково — Мурка. Вот так — Дашка с Муркой. Хорошо.

Еще что? Топор. Нож. Но от упырей он совсем не поможет. Топор — да, другое дело. Но все равно это все — хорошо.

Одежда — хорошая, крепкая. Форменку снимать не стала — хоть порой и жарковато, но сейчас в самый раз, а уж ночью... Ну и лишний слой от укуса все же лучше. Пальто оставила в магазине — жаль-то как, красивое такое было, но куртка покойного грузчика была практичнее — размером великовата, но ничего. Крепкая невзрачная куртка, смахивающая на милицкий бушлат. Кроссовки. Перчатки — две пары — х/б и поверх брезентуха — тоже из разделочной. Небольшой рюкзак, из магазина, со своими вещами из сумки, и сумка из-под лодки, а в ней — пакеты с едой.

Еды много: консервы, сухофрукты, орехи, шоколад. Вода — полтора литра в сумке и две по ноль-шесть в рюкзаке. Давно пришла к тому, что модные фляги в походном быту неудобны, — пластиковая бутылка не хуже, но легче, да и выбросить или потерять ее не жалко.

Связь. Со связью хуже. Одна черточка на батарее — немного. Но видно, что свет в окнах горит, электричество есть — это просто в «Форте» что-то случилось. Так что решим.

Транспорт... транспорт — это отдельная песня... Но пока есть — и это хорошо.

Ну а вот на этом, пожалуй, запас позитива исчерпан.

Дальше опять начиналось сплошное «плохо».

Плохо было с родными — отец, и так-то закладывавший неслабо, ушел в запой и со вчерашнего ни слуху ни духу... ну Бог судья — последние годы он, похоже, сам выбрал себе путь. С матерью поговорила еще утром, но она не очень поверила — на работу все равно пошла. Мобильный она не носит с собой — боится. В Лодейном Поле в последнее время стало очень много наркоманов, а они совсем краев не видят — могут покалечить и убить и за недорогой телефон. (Переезжать мать отказывалась... Да и куда? То есть место-то нашли бы, но и работы не найдешь, да и, в общем, насмотрелась на такую жизнь — не всегда это в пользу...) Значит, мать обещала отзвониться, как придет домой, а пока, мол, будет очень осторожна. Даже прихватила с собой тяжелый молоток. Уже неплохо. С сестрой поругались недавно, на звонок она не отвечала. Брат на работе, за рулем — он трубку не берет принципиально: выключает. Послала обоим СМС, пока не ответили. Но ладно, ничего еще не значит.

Плохо было с планами на будущее. Цель была вполне конкретной — добраться до дому и выручить Сашку. В том, что придется выручать, — сомнений не было. Не боец он. Неплохой парень на самом деле и не особо трус, но вот не боец. Не умеет и не может. Хотя и в спортзал раньше ходил, чем-то рукопашным занимался — ну это практически каждый парень в молодости проходит... Вот только спорт или прикладное что — требует постоянных усилий, причем над собой. Она-то уж по себе знает, проходила. А вот у Сашки с этим проблема, да. Его бы в армию... Если бы попался толковый сержант, как брат рассказывал, — стал бы человеком. Ведь не дурак, память очень цепкая, порой, когда разговоришь — начинает рассказывать интересные вещи, — слушала открыв рот: самой-то такое откуда узнать в убогом Лодейном? А тут все же Питер, Эрмитаж, Русский музей... Как ей нравилось ходить по их залам! А пару раз знакомые отдавали экскурсии абонента (сами не могли сходить) — по Эрмитажу. Кроме того что сами по себе экскурсии очень интересные, но и проходят они — после закрытия музея. По пустым залам. Непередаваемые ощущения, запоминаются на всю жизнь...

Даша тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Передернулась, представив, во что ТЕПЕРЬ превратился Эрмитаж... там ведь всегда днем полно народу...

Да, так вот — Сашу надо выручать. В том, что он сможет выполнить поручения — купить все необходимое и заправиться, — Даша сомневалась. Не стала спрашивать про машину, но отчего-то подумала, что не удивится, если та окажется не на ходу. А ведь умеет, паразит. Его отец ему много рассказывал, и он все неплохо запомнил. Однажды, когда ездили на шашлыки, он в пару минут помог молодым ребятам на «копейке» — те беспомощно смотрели под капот, разряжая аккумулятор бестолковыми попытками «авось завести». Сашка посмотрел, попросил еще раз провернуть стартер, хмыкнул, прикрутил им отгнивший провод — и вскоре жигуленок обрадованно зафырчал, а парни пришли в восторг.

Плохо только, что Сашка как губка впитывал не только хорошее и полезное, но и льющиеся отовсюду интеллектуальные помои. «Дом-2», поток порнухи в Интернете (слава так называемому богу, что обошли его стороной компьютерные игры!), а самое главное — это его теперешние друзья. Постепенно, забрасывая из-за лени занятия над собой, Саша стал скатываться к совсем другим знакомствам, чем раньше, да и спиртное чаще стал употреблять. Появились какие-то мутные хмыри, топорщившие из себя невесть что, хотя Дашка видела, что она и сама, случись что, размазала бы их тонким слоем, не говоря про парней из спортзала. А послушать ЭТИХ — так они весь мир известно на чем крутят. Все они «чиста временно» и «типа случайно вышло» без денег и с битой мордой. Причем либо «нас подставили!», либо они опять кого-то «чиста пожалели». Естественно, всегда «мы всех потом реально нашли и поймали!». Общаться с ними было противно, тем более что и внутри их сообщества отношения совсем не похожи были на нормальную дружбу. Если Сашка перебирал и они притаскивали его домой, то норовили, «пока он дрыхнет, доставить опупенное удовольствие!». Приходилось пару раз объяснять не только словами, но Сашке ничего не говорила — отчасти из-за того, что боялась: он все равно ничего не сможет сделать, только лишние неприятности наживет. Ничего, сама справлюсь, не впервой.

Даша вдруг подумала, что она слишком его баловала. Нельзя, наверное, парня так расслаблять. Вот он и отвык решать что-либо сам. Но так хотелось чувствовать себя полезной ему! Все же правда — мы ответственны за тех, кого при-

ручили. Сама виновата, разбаловала парня. А он добрый, в общем, и доверчивый — верит всему и всем. А вот кто поумнее из его новых «друзей» — этим и пользуется.

Даша вспомнила Артура, эдакого «короля» их компании. Его вполне однозначные взгляды на нее. Ох, вот кому она бы вломила с особым удовольствием! До хруста в костяшках, и пусть потом неделю кисть болит. Эдакая мразота.

Гонять надо было Сашку, постоянно гонять. Держать в тонусе. Вот выберемся из этой беды (выберемся, обязательно!) — ух, я ему устрою. Нет армии и толкового сержанта — я за него стану. Он у меня потом умоется. И еще всем покажет.

Хороший он у меня, люблю я его, дурака.

Да, ладно, это все хорошо. Плыть на лодочке, неспешно несомой течением. Льда немного, и он для этой китайской поделки (судя по всему, рублей тыщи за три) неопасен. Скорость небольшая, точнее, практически нет ее — плывем вместе со льдом. Хорошо, что в этом году рано вскрылась Нева, а ледоход с Ладоги еще не пришел.

Идиллия — плыву себе и рассуждаю о жизни...

А надо думать конкретно. Что делать дальше. Сейчас — понятно, дойти до устья Черной речки, а там вверх. Против течения, но буду надеяться, что оно не очень сильное. А вот дальше, на берегу... Глупо строить планы. Но общий смысл такой — нужна крепкая тяжелая машина. Чтобы пробиться через пробки. В центре все забито — обычные пробки стали смертельной ловушкой для многих. Да и выезды из города вполне могут быть забиты: одно ДТП — и если станут ждать ДПС, то пробка образуется моментально. А уж там... один упырь — и началось. Хорошо, хоть в новых районах просторнее — дворами, тротуарами... Но выезды за кольцевую железнодорожную ветку сильно ограничены. Либо под — либо на мост. И насыпь с канавами — танк не пройдет. Да-а-а, веселенькая картина. Случись что на переездах — и привет, стоим все. Мышеловка. Большая такая. Внутри нее — крутись сколько хочешь. Пока жив.

Но вариантов нет. Она, собственно, и оказалась-то тут именно потому, что другого варианта не было. Хорошо было бы добраться до крепости, там как-нибудь оснаститься и потом отыскать транспорт и приехать домой. Или еще как. Но этот вариант для нее был нереален...

Даша вспомнила, как все ЭТО для нее началось...

Пришла на смену в восемь, день стартовал обычно. Через два часа случилось ЧП — прямо в зале умер покупатель. Упал на пол, когда подбежали — он уже не дышал. Сколько ни пытались неумело делать массаж сердца, и даже искусственное дыхание, — так и не помогло. Она в это время лихорадочно набирала «скорую», но там было постоянно занято. Стала звонить в милицию — в ближайший райотдел, — но там ответили странно — сразу заорали: «Если у тебя тоже мертвец ожил — разбей ему голову, быстро, не дай никого кусить, понял?» — и бросили трубку.

Сильны правоохранители — так нажраться на дежурстве, в десять утра. Все же записывается. Выпрут со службы. Даша набрала ВОХР, ждала ответа. От покойника все уже отошли, старались быть подальше от этого места, постепенно занялись своим делом. ВОХР ответил с четвертой попытки — испуганным голосом сообщил, что никто приехать не может, и предложил оставить информацию и данные, что Даша и проделала. Уже отключая трубку, услышала дикий визг — и увидела, как «покойник», покачиваясь, бредет к истошно визжащей дамочке с вульгарным макияжем.

А дальше произошло то, чего невозможно было ожидать: «покойник» вдруг схватил дамочку и вцепился ей в горло. И начал ее есть, отрывая куски, завалившись вместе с ней на пол.

Даша отвернулась и, согнувшись, освободила желудок от завтрака. Большинство очевидцев проделывали то же, причем многие даже прямо на себя. Однако Даша вдруг сообразила: что бы это ни было, сейчас это ее работа, и она ОБЯЗАНА задержать этого ненормального. Она бросилась к нему, на ходу доставая электрошокер, — это было единственным «оружием», которое она имела на службе.

Подбежав, ткнула разрядником в шею «маньяка». Однако разряд не оказал ожидаемого эффекта. Выматерившись вслух (ну ведь проверяла батареи!), Даша дала еще несколько (зная, что это нарушение, и если «маньяк» умрет, то у нее могут быть серьезные проблемы, но лужа крови заставляла действовать именно так. Да и тетка уже вроде не трепыхается...) — и хотя опять ничего не произошло, «маньяк» не рухнул в отключке, но он как будто замер. Недолго думая, Дашка отработанно схватила его за кисть (боже, он же холодный! Он же труп!), притянула вторую, заворачивая руки за спину, благо стоял удобно, на коленях, завалила на пол.

Уф-ф... Рядом уже стоял Петрович, грузчик, несильно пьющий коренастый смысленый мужичонка лет за пятьдесят.

— Увязала? Молодец... я уж хотел... — Он показал топор в руке. — Давай подмогу связать...

Ага, только и не хватало, не понимаешь ты, что бы ты себе тогда заработал за геморрой на старости лет. Хотя... Да, тетка-то, похоже, того, подумала Даша.

— Надо срочно ментов звать. Это же... — Тут Даша сказала, что это именно, причем добавив, что «полный». — Только не дозвониться до них.

— Ага, доча, — Петрович ее всегда так звал, — давай беги, если не дозвониться. Я пока его покараулю.

Даша кивнула. «Маньяк» словно оттаивал — начинал шевелиться и пытался встать или подползти к тетке. Петрович прижал его к полу.

— Доча, принеси-ка с подсобки скотч — спеленаем-ка его.

Даша побежала в подсобку. Схватила рулон широкого скотча, и они с Петровичем начали перематывать «маньяка». Причем тот по ходу дела вцепился в рукав ватника Петровича, явно желая ухватить за руку.

— !.. Прости, доча, — выругался Петрович.

Аккуратно перемотали скотчем челюсть «маньяку», оттащили и усадили в сторонку, под окно, чтобы не мешал посетителям. Хотя те стремительно покидали магазин, косясь на труп в луже крови. Похоже, сегодня день закрыт. Вот-вот появится начальство — и тогда пусть сами и отдуваются: ясно же, что надо закрывать...

Додумать не успела — новый крик в зале. Тетка медленно поднималась из лужи крови. Даша шагнула вперед и наткнулась на ее взгляд. На нее смотрел не человек. От взгляда этого существа поджимало желудок и холодела спина. Тетка медленно, качаясь, двинулась к ней, а Даша словно застыла, глядя на нее, не соображая, что делать. Наверное, она бы и не сделала ничего, но тут тетку перехватила сзади через грудь рука в ватнике:

— А ну стой, ведьма! — Это Петрович.

Она тупо продолжала дергаться, тянулась к Даше... и вдруг, ловко извернувшись, вцепилась Петровичу в кисть.

— Т-т-тваю-мать!!! — заорал Петрович, вырывая окровавленную руку, и тут же отправил тетку молодецким ударом в угол зала.

Вообще-то от такого удара она должна была бы там и зачихнуть минут на десять. Петрович даром что невысок — по-

лутуши кидает только так, ящики-коробки по два-три десятка кило в его корявых руках просто порхают.

Но тетка встала как ни в чем не бывало и опять шагнула вперед.

Навстречу ей двинулся Петрович, подхвативший вновь топор. Судя по лицу, сейчас он просто пришибет тетку на фиг, подумала Даша. Она опередила Петровича, рванулась вперед и ткнула тетку шокером, на этот раз дав сразу несколько разрядов подряд. Как и в случае с «маньяком», тетка замерла, словно застыв.

— Помогай! — крикнула Даша, хватая тетку за руку, Петрович, бросив топор, присоединился, и они вдвоем завернули ей руки за спину, затащили хомут. Потом повалили и, пока она «оттаивала», замотали скотчем, начиная с челюсти. Потом посадили рядом с «маньяком».

После — долго и бестолково носились по магазину, ища аптечку и перевязывая руку Петровичу. Наконец успокоились немного, если вообще можно было успокоиться в такой ситуации. Петрович отправился в разделочную «лечить здоровье организма» известно как — не секретом было, что он во время рабочего дня «подавал», — меру он знал и никогда косяков не выдавал, так что никто не протестовал. Хотя — он и на протесты бы... в общем, игнорировал бы он их. И разумеется, в разделке у него «было». Даша подобрала топор и положила на подоконник — так будет спокойнее, — из головы не шел телефонный разговор с пьяным ментом... Даша вдруг подумала: а пьян ли он? Он же говорил об ожившем мертвецце... хотя для милиционера «разбей ему голову, быстро» — пожалуй, хороший индикатор степени опьянения. Правда, в последнее время немало было случаев, когда и трезвые хранители правопорядка вытворяли всякие мерзости...

О, легки на помине. Сейчас объясняться придется, кучу бумаг писать, доказывать, что не верблюд... В магазин влетел бледный, всклокоченный молодой человек в милицейском бушлате с лейтенантскими погонами, без фуражки.

Даша шагнула вперед:

— Доброе утро. Тут у нас двойное чепэ...

— Мертвяки есть?! — прямо в лицо крикнул ей лейтенант.

Даша увидела его глаза, совершенно безумные, потом — в правой руке пистолет.

Мамочки, только этого не хватало! Псих он, что ли? Сейчас начнет стрелять! Что делать? Так, спокойно... подойти ближе, тогда есть шанс, не глядеть в глаза, рассеянно смот-

реть в центр груди... шаг навстречу, улыбка, руки перед собой, главное — уловить начало движения...

— Вот, пожалуйста, смотрите сами. — Приветливый тон, плавный жест рукой, через линию взгляда — чтобы «зацепить», пол-оборота, левая совсем рядом с его вооруженной рукой, подшаг, и...

И в тот момент, когда Даша хотела провести прием, лейтенант с рычанием рванулся вперед, подскочил к «пленным» в углу, заглядывая им в глаза. Топор, подумала Даша. Сзади, пока он занят. Но мысль о том, что ей сейчас придется сделать, ее остановила. Нет, она не сможет ударить сзади топором по голове живого человека, даже обухом. Была бы дубинка — еще ничего. Надо шокером...

В этот момент лейтенант выпрямился, вытянул руку с пистолетом и быстро выстрелил два раза — в голову обоим связанным существам. Это произошло так быстро, что Даша ничего не успела сделать, она лишь подскочила к подоконнику и схватила топор. Сомнений уже не осталось: перед ней спятивший милиционер с оружием, только что, на ее глазах, хладнокровно убивший двух беззащитных... людей? Ну все равно — беззащитных существ, пусть даже и преступников. Сумасшедший убийца, вооруженный... Сколько у него еще патронов? Может, он уже успел еще кого-то убить? Но понятно — сейчас он продолжит убивать. И начнет с нее.

Даша схватила топор, лезвием от себя, по-боевому. Она шагнула, разворачивая корпус для удара и вынося левую руку вперед для противовеса.

В этот момент лейтенант обернулся.

Ударить Даша не успела — он смотрел ей прямо в глаза. Пистолет держал в опущенной руке, а в глазах не было никакого безумия, скорее невыразимая тоска.

— Стой! Брось пистолет!

Лейтенант грустно улыбнулся, но пистолета не бросил, лишь сунул в кобуру и примирительно поднял ладони:

— Успокойтесь... успокойтесь, уже никто стрелять не будет. Я все объясню. Где начальство?

— Здесь.

О, подумала Даша, вот и отлично — тетя Клава приехала. Директора действительно звали Клавдия Ивановна, и директором она была еще с прежних времен. Ну и хорошо, пусть разбирается. Топор опустила, однако из руки не выпускала — пока. Все-таки этот симпатичный лейтенант с приятным голосом — преступник и убийца. И если он попытается

достать пистолет... нет, конечно, по голове она его не ударит, но вот кисть обухом приложит. И вообще... Так что лучше бы ему вести себя смиренно...

— Молодой человек, что тут происходит? Потрудитесь объяснить. — Тетя Клава сразу взяла быка за рога. — Кто вы такой и что, собственно, творится?

— Лейтенант Галлер, Центральное РУВД. Соберите персонал на инструктаж.

— Все здесь. Девочки, подойдите, — позвала кассиршу и продавца тетя Клава.

Те, боязливо поджимаясь и стараясь не смотреть на лежащих в углу убитых, подошли ближе.

— Еще есть кто-нибудь?

— Нет.

Даша хотела сказать, что Петрович в разделке «лечится», но решила, что лучше его не палить, — кто знает, сколько он там уже «вылечил» и чем все это закончится. Пусть лечится. Ему, если что, потом расскажем.

— ЭТИ, — жест в ту сторону, куда все старательно не смотрели, — кого-нибудь трогали? Или их кто-нибудь?

— Я.

Лейтенант повернулся к ней СЛИШКОМ резко — но Даша уже стояла перед ним, закрывая остальных. Рука лейтенанта уже на кобуре — ну, красавчик, этого ты не успеешь. Только дернешься — обушком снесу тебе колено, «мяу» сказать не успеешь: топорик-то внизу, ты про него и думать забыл...

— Они вас укусили или оцарапали?

— Нет, я их просто вязала... — Даша осеклась, вспомнив о Петровиче. Говорить, нет? Не успела, лейтенант перебил ее:

— Ран нет? Отлично! Тогда все нормально... Остальные не контактировали?

Все подтвердили, что не контактировали. Даша все не решалась сказать о Петровиче. Она спросила лейтенанта:

— А в чем дело? Что вообще происходит?

— В городе какая-то эпидемия. Зараженный умирает, а потом восстает из мертвых.

— Точно! Точно! Вот он умер, а потом восстал, а потом укусил ее, а потом она умерла, а потом восстала... а потом, а она... — Кассирша Таня от избытка эмоций готова была уйти в истерику, но Клавдия Ивановна довольно быстро привела ее в норму:

— Говорите дальше, молодой человек.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ	5
Часть вторая. МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ	154
Часть третья. НАВСТРЕЧУ СУДЬБЕ	224
<i>Эпилог</i>	442